

Р. Г. АПРЕСЯН

О праве лгать

Обсуждая в разных произведениях проблему лжи, И. Кант анализирует три примера, сюжетное разнообразие которых принципиально для понимания как феномена лжи, так и возможности различных подходов к нему.

В «Основоположениях метафизики нравов» Кант рассматривает пример заведомо ложного обещания «неплатежеспособного должника»: человек, находящийся в безысходном финансовом положении, обращается к кредитору, обещая вернуть деньги в положенный срок, зная наверняка, что вернуть не сможет. Такого рода обещания, говорит Кант, недопустимы с правовой и этической точки зрения, поскольку подрывают основы общества, являются преступлением против справедливости и человечности. Они принципиально не универсализуемы. Они нарушают обязанности человека как перед другими, так и перед самим собой.

В «Метафизике нравов» Кант приводит пример лжи по чужому распоряжению, когда слуга по приказу хозяина на вопрос пришедших о хозяине говорит, что того нет дома, благодаря чему у хозяина появляется возможность убежать из дома. Однако убежав, он совершает преступление, чего могло бы не быть, скажи слуга правду. Здесь на слугу ложится двойная вина: за сказанную неправду и за невольное соучастие в преступлении.

В эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»¹ Кант разбирает пример с человеком, предоставившем убежище другу, которого преследует злоумышленник; вскоре в дверь стучит злоумышленник и в категоричной форме спрашивают, не в доме ли скрывается интересующее его лицо. По Канту, нравственный долг повелевает сказать злоумышленнику всю правду без утайки.

¹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма / Ред. А. В. Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 292–297.

Неверно думать, что приведенные примеры — всего лишь сюжетно разнообразны. Впрочем, сам Кант, по всей видимости, так и думает и рассматривает их как однопорядковые разновидности нарушения принципа «Не лги», предлагая по всем трем случаям в общем одинаковую аргументацию, в духе того, что им было сказано в связи с первым сюжетом: ложь представляет собой преступление против человечества, действия, основанные на лжи, не отвечают принципу всеобщности, и, идя на ложь, человек нарушает долг как перед тем, к кому ложь обращена, так и перед самим собой как разумным существом.

Напротив, я считаю, что эти примеры представляют коммуникативно разные ситуации. Соответственно, они и в этическом отношении различны. Это — не примеры-иллюстрации, это нормативно «парадигмальные» примеры различных ситуаций лжи, и поэтому рассматривать их надо в различных нормативных контекстах.

Меня интересует в данном случае лишь один из трех кантовских случаев, а именно случай с человеком, предоставившем убежище другу и вынужденным держать ответ перед злоумышленником. Это — наиболее проблематичный кантовский пример лжи. Относительно примера с неплатежеспособным должником, собирающимся дать заведомо ложное обещание, я разделяю кантовскую аргументацию полностью. В связи с этим примером рассуждение Канта безукоризненно. Мне не известно, чтобы кто-либо высказывал сомнения на этот счет. Относительно примера с хозяином и слугой ту же аргументацию Канта можно принять в определенной степени, принимая вместе с тем в расчет, что ситуация по разным параметрам — коммуникативным и поведенческим — значительно сложнее и требует разностороннего анализа.

Однако эта же аргументация, примененная Кантом к примеру, разбираемому в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия», вызывает глубокие сомнения и наталкивает на ряд серьезных вопросов. Во-первых, с метафизически-нормативной точки зрения, находится ли домохозяин в каких-либо отношениях *обязанности* со злоумышленником, и, стало быть, какова мера его ответственности перед ним? Во-вторых, с ситуационно-этической точки зрения, не следует ли в анализе правильного поведения в данной ситуации принимать во внимание и отношения домохозяина с другом? В-третьих, с коммуникативно-этической точки зрения, не окажется ли правдивость перед злоумышленником предательством по отношению к тому, кому предоставлено убежище? В-четвертых, с нормативно-этической точки зрения, не является ли принцип «не вреди» не менее сильным, чем требование «не лги»?

Чтобы разглядеть эти аспекты, нужно изменить взгляд на саму ситуацию и подход к ее анализу, а для этого — отойти от кантовского и кантоведческого рассмотрения ситуации. В предлагаемом рассуждении я ставлю кантовскую интерпретацию рассматриваемого примера под вопрос и, в результате, отказываюсь признать ее адекватной. Последнее приходится акцентировать, поскольку разбираемое эссе не только

остаётся предметом обсуждения и полемики, но среди диспутантов немало и таких, которые разделяют убежденность Канта в том, что требование «Не лги» абсолютно, и в полной мере действительно в ситуации, подобной той, что дана в примере.

Изменение взгляда на ситуацию оказывается возможным при расширении предмета внутриситуационного анализа и признании данной ситуации как коммуникативно и императивно *сложной*. Изменить взгляд на ситуацию не значит перестраивать саму ситуацию. В анализе ситуации я стараюсь строго придерживаться именно того сюжета, который обсуждает и Кант.

Внимательному читателю эссе в первую очередь бросается в глаза то, что Кант разбирает только отношения между домохозяином и злоумышленником, между тем как состав участников ситуации очевидно шире. Это в ситуации неплатежеспособного должника присутствуют только два агента — потенциальный должник и потенциальный кредитор. Ситуация домохозяина, вынужденного держать ответ перед злоумышленником, отнюдь не исчерпывается двумя фигурами, в ней неявно присутствует и третья — друг (гость) домохозяина. Не только домохозяин находится в определенных отношениях с другом. И у злоумышленника свои отношения с другом домохозяина. Так же и у домохозяина возникают своеобразные отношения со злоумышленником, когда тот, преследуя его друга, обращается к нему с вопросом. И это очевидно разнородные отношения. Отношения домохозяина с другом, к тому же принятым в качестве гостя, более того, которому предоставлено убежище, установлены у домохозяина прежде, чем он сталкивается со злоумышленником. Как отношения дружбы это взаимные отношения, и во всей их полноте отношения домохозяина и друга — добровольные отношения (в части гостеприимства и предоставления убежища — эти отношения не взаимны). Отношения же со злоумышленником у домохозяина не взаимные, не добровольные, их вообще трудно определить в качестве отношений: со стороны домохозяина они как невзаимные и недобровольные негативны, со стороны злоумышленника — исключительно прагматичны.

Как бы ни определял сам Кант проблему рассматриваемой ситуации, типологически квалифицируя ее как ложь «из человеколюбия», действительная проблема не в этом. Человеколюбие, благодеяние, милосердие не являются предметом обязанности. Это дело доброй воли человека, его благорасположения. Отношения дружбы и гостеприимства предполагают определенного рода обязанности, задаваемые самим фактом существующих отношений как отношений дружбы и гостеприимства. Действительная нравственная проблема данной ситуации — не в возможности «лжи из человеколюбия», а в *выборе* между *конкретной* обязанностью дружбы и гостеприимства и *абстрактной* обязанностью не лгать. Обязанность дружбы и гостеприимства конкретна, поскольку она выражает реально существующие связи между людьми. Она тем более актуальна в частной форме защиты человека (друга, гостя), с которым

уже существуют ясные и более менее длительные отношения. Обязанность не лгать в данном случае абстрактна, поскольку утверждается Кантом по отношению к злоумышленнику, т.е. к тому, с кем у домохозяина нет никаких отношений, и кто своими действиями и самим фактом своего существования представляет угрозу тому порядку, в рамках которого только и возможны обязанности.

По отношению к любому человеку у нас есть моральные обязанности, хотя бы минимальные — не причинять вреда. Не причинять вреда *инициативно*. Эта обязанность *абсолютна*, т.е. безусловна, и *универсальна*, т.е. обращена к каждому. Она касается и отношений со злоумышленниками. Но до поры, пока они не начинают осуществлять свои злые умыслы. Впрочем, и в этом случае у нас сохраняются моральные обязанности перед злоумышленником: противостоя осуществлению им своих злых умыслов, мы должны действовать соразмерно, не превышая меру, достаточную для пресечения злонамеренных действий. Обязанности человека по отношению к разным людям различны и по содержанию, и по повелительности. В этом смысле сфера обязанностей разнородна.

Однако Кант рассуждает так, как если бы сфера обязанностей, в частности, моральных обязанностей, была однородной. При видении морали как однородной мораль предстает «благополучной», свободной от внутренних противоречий и конфликтов. Абсолютные, универсально-абсолютные обязанности не могут конфликтовать между собой, они вменяются в обязанность каждому, сами по себе они не могут быть предметом рефлексии и выбора. Человеку остается выбирать лишь между моральным и (в)неморальным. В анализе данного случая, как и в анализе всех других, Кант обнаруживает себя абсолютистом и универсалистом. И это при том, что в кантовских произведениях мораль далеко не всегда предстает гомогенной. Взять, к примеру, «Метафизику нравов». Если под «нравами» понимать мораль (а как еще можно было трактовать кантовское «Sitten» в этом произведении, ведь не о нравах же в нем идет речь, но, скорее, об обуздании нравов), то она выступает здесь, с одной стороны, как *право*, а с другой — как *добродетель*, а обязанности подразделяются на совершенные и несовершенные.

Иной подход к разбираемому Кантом примеру возможен при допущении нормативной разнородности морали. Это допущение, при котором какое-то содержание морали признается абсолютным, в смысле безусловным, а какое-то — относительным, в смысле условным; при котором степень повелительности моральных принципов признается различной: наряду с требуемым и запретным есть рекомендуемое и нерекомендуемое, приемлемое и неприемлемое. И последнее, будучи выражением обобщенного опыта данной культуры, данного сообщества, может своеобразно конфигурироваться по отношению к конкретным ситуациям и конкретным лицам. При этом индивидуальный произвол ограничен принципом универсализуемости.

Как следует из заголовка, эссе посвящено проблеме лжи из человеколюбия, или благонамеренной лжи, точнее, недопустимости лжи даже из человеколюбия. В действительности же речь идет не о благонамеренной лжи вообще, а об особом ее случае — лжи в ситуации *принуждения к признанию*, более того, *неправомерного* принуждения к признанию, признанию, ценой которого может стать благополучие, а то и жизнь *другого человека*. Другого человека, по отношению к которому у принуждаемого к признанию есть определенные *моральные обязанности*. Для Канта же эти обстоятельства ситуации остаются незначимыми. Не вдаваясь в ситуационный анализ сюжета (не принимая во внимание все его обстоятельства), он утверждает, что никакая благонамеренность, даже в отношении друга, не может быть оправданием лжи, даже по отношению к злоумышленнику. При этом он очевидно переносит на этот особенный случай *неправомерного принуждения к признанию* логику рассуждения, использованную им при рассмотрении ситуации *заведомо ложного обещания*. Обоснованность такой экстраполяции совсем не очевидна. Но Кант не обращает на это внимание. Характерно, что никто из кантовских последователей в этом вопросе не берется доказать применимость аргументации, выработанной по поводу недопустимости заведомо ложных обещаний, к случаям неправомерного принуждения к признанию.

Хорошо известно, что изначально этот пример — не кантовский. Он был предложен Бенжаменом Констаном, тогда, в конце 1790-х годов, молодым, хотя уже и известным публицистом и деятелем аппарата Директории (а впоследствии — теоретиком либерализма и конституционализма). Директория решительно выступила против якобинского террора. Пример Констана — типичная картинка из недавних тогда бесчинств революционного времени. Констан, приводя этот сюжет и иллюстрируя им свою идею о необходимости селективного подхода ко лжи, ссылается на «немецкого философа», не более того. Имя Канта при этом не упоминается. Да и примера такого у него не было. Тем не менее Кант *признал* его и, *приняв*, откликнулся своим рассуждением.

Кант не мог не понимать о каком преследовании и каком злоумышленнике шла речь в примере Констана. Однако приступая к обсуждению вопроса, Кант подменяет требование «не лги» требованием «не лжесвидетельствуй» и начинает говорить о правдивости в «показаниях», о показаниях как «свидетельствах», как если бы речь шла не об эксцессах классовой борьбы и о безосновательных притязаниях злоумышленников, а об ответе перед нормальным судом или на проводимом по закону допросе. Свидетельствовать на справедливом суде — это не то же самое, что свидетельствовать на суде, подчиненном произволу правителя, и тем более не то же, что информировать злоумышленника под принуждением, к тому же информировать злоумышленника, нарушая обязанности перед третьими лицами (не говоря о том, что на суде у свидетеля и даже обвиняемого всегда есть право умолчания). Для Канта

между этими разными ситуациями принуждения к ответу различия нет, о чем он и говорит прямо².

Непризнание каких-либо различий между ситуациями и лицами как будто бы разъясняется самим Кантом, специально оговаривающим, что его рассуждение относится к области метафизики права, а она «совершенно отвлечена от всяких условий опыта»³. Понятно, что к «условиям опыта» относится определенность лица, которому направлено сообщение: сообщение должно быть правдивым и безотносительным к лицам, которым оно направлено. Но относятся ли к «условиям опыта» интересы *третьего лица*, которого это сообщение касается? Кант не согласен с уточнением лжи, вносимым юристами, согласно которому ложь сопряжена с вредом. Достаточно, говорит Кант, определения, согласно которому под ложью понимается «умышленно неверное показание против другого человека»⁴. Но это определение по сути сближает ложь с лжесвидетельством. Для Канта, который, как мы видели, необоснованно перевел разговор в плоскость показаний и свидетельств, такое определение лжи должно было быть весьма значимым. Однако отвлечемся от специфичности приведенного определения и сосредоточимся на словах «против другого человека». Как можно оценить *правдивую* информацию, сообщаемую не в суде, не представителям власти, не перед угрозой общественной опасности и хотя и не разбойнику, но человеку по меньшей мере сомнительному, определенно злоумышленнику (по условиям ситуации), направленную против третьего лица (в нашем примере — гостя)?

В «Метафизике нравов» Кант дает близкое вышеприведенному правовое, как он подчеркивает, определение лжи, под которой «в учении о праве называется извращение истины только тогда, когда ложь нарушает права других»⁵. Это определение кажется довольно странным. Оно, точно, не отвлечено от всяких условий опыта, на чем в обсуждаемом эссе настаивал Кант, поскольку в нем идет речь о правах других. Из него можно сделать вывод, что извращение истины, не сопряженное с нарушением прав других, ложью может не считаться. Однако примем предложенную в нем спецификацию лжи через нарушение прав других и вновь зададимся вопросом: как нам оценивать сообщение правдивой информации злоумышленнику, сопряженное с очевидным нарушением прав третьего лица (в нашем примере — гостя)? Ведь, более того, правдивым сообщением злоумышленнику, содержащим информацию, наносящую ущерб третьему лицу, домохозяин нарушает не только интересы друга, но и его права в качестве гостя, к тому же получившего убежище. Получается, что правдивая информация в адрес злоумышленников воз-

² Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Указ. изд. С. 296.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч в 6 т. Т. 4 (2). С. 366.

можно в данном примере лишь как следствие *лживости* по отношению к другу. Говоря правду о друге, я на самом деле поступаю лживо, потому что это — предательство⁶. Если ставить вопрос этически, то нужно осознавать, какова мера ответственности за ложь, какова мера ответственности за введение в заблуждение и какова мера ответственности за лживость в выше приведенном смысле, т.е. за сообщения и действия, нарушающие прежде достигнутые (или хотя бы только предполагаемые) соглашения и принятые в соответствии с этим обязательства.

Полагаю, отталкиваясь от кантовской же практической философии можно подойти к данному случаю не с метафизически-философских, а с практически-философских, в частности, этических позиций. Для этого надо соотнести ситуацию выбора, в которую поставлен домохозяин, с категорическим императивом и фундаментальными обязанностями человека. Однако сам Кант возможность или уместность такого соотнесения не принимает во внимание. Предлагаемое им решение, основанное на абсолютности запрета на ложь противоречит, на мой взгляд, его учению о категорическом императиве. С точки зрения второго практического принципа категорического императива, повелевающего не относиться к другому только как к средству, но относиться к нему также как к цели, предпочтение правдивости (а Кант говорит даже о справедливости вынужденной лжи) неприемлемо, поскольку интересы друга приносятся в жертву принципу. Друг в таком случае оказывается средством сохранения домохозяином своей нравственной чистоты, и в то же время злоумышленник становится целью. Кант, правда, говорит, что правдивым ответом на вопрос злоумышленника домохозяин исполняет свой долг перед человечеством. Но тогда и отношения со злоумышленником оказываются средством для достижения иной цели, что с кантовски-этической точки зрения нельзя признать правомерным. Ведь правдивостью по отношению к злоумышленнику, по Канту, утверждается справедливость перед человечеством. Рассматривая данную ситуацию, Кант вроде бы обращает внимание на разные ее аспекты: на обязанности человека по отношению к самому себе (соответствовать долгу), по отношению к человечности, по отношению к злоумышленнику. Он лишь не принимает во внимание обязанности домохозяина по отношению к другу. У Канта определенно получается, что абстрактная справедливость выше блага конкретного другого, конкретный другой оказывается средством для нравственного совершенствования человека.

⁶ В рассмотрении данного случая нам нет нужды непременно оставаться в рамках кантовской методологии. Мы можем примерить к анализу данного примера утилитарианскую этику или этику заботы; оба подхода основаны на этическом конвенционализме. Мы можем проанализировать данный случай с позиций этики добродетели, отличной от двух названных и близкой к кантовскому принципализму. Ни при одном из этих подходов предательство не может быть оправданным.

Помимо критически-этического взгляда на кантовский анализ, представляет интерес и критически-социологический взгляд. Какова «социология», стоящая за кантовским анализом, каким предполагается устройство общества? По Канту, любые отношения между людьми, включая отношения со злоумышленниками, следует считать основополагающими для общества и для человечества вообще. Тезис о том, что каждое отношение, возникающее между людьми в обществе, является основополагающим для общества и для человечества вообще, был высказан Кантом в связи с запретом на дачу заведомо ложных обещаний и по поводу потенциальных отношений между заимодавцем и заемщиком. Отношения между заимодавцем и заемщиком, как бы ни относятся к самому институту займа (кредита), действительно особенны. Они непременно оформляются юридически или в аналогичной правообразной форме. В качестве таковых они, в самом деле, значимы для устройства общества. Однако можно ли предположить какую-то правоотношенность отношений между домохозяином и злоумышленником, возникающих спонтанно и к тому же против воли одной из сторон? С точки зрения обязанности домохозяин не находится ни в каких отношениях со злоумышленником, просто потому, что это злоумышленник. В отношениях со злоумышленником домохозяин — *в естественном состоянии*. Это состояние, при котором он может исходить исключительно из своего собственного интереса. Более того, потенциально это состояние войны всех против всех.

Во избежание недоразумений, порой возникающих, как это ни странно, относительно новоевропейских концепций естественного состояния, есть необходимость оговориться, что под естественным состоянием понимается не животное и не природное состояние. Это даже не непременно состояние варварства, хотя в функциональном плане его и можно представить, допустим, по Гоббсу, как состояние изначальное. В этом состоянии есть свой порядок, во всяком случае, в нем, согласно Гоббсу, действует естественное право. Для нас даже более интересной будет трактовка естественного состояния Гроцием. В трактате «О праве войны и мира», обсуждая допустимость возмездия, в частности по принципу талиона, он говорит об особой ситуации «отсутствия общих судей»⁷. Это — не изначальная ситуация, это — возникшая ситуация. Говоря о естественном состоянии, я имею в виду такую «вторичную» ситуацию — в условиях нелегитимно нарушенного кем-то правового пространства. Как должен вести себя человек по отношению к тому, кто, нарушая существующий правовой порядок, угрожает благополучию и жизни человека или тех, кто находится под его опекой? Может ли он действовать по правилам человеческого обхождения или по закону, если правила и закон попораны самим злоумышленником (и в отношении

⁷ Гроций Г. О праве войны и мира [II, XX, VIII, 6]. М.: Госюрлитиздат, 1956. С. 460, 461.

ях с ним правилами и законом попросту не являются) в условиях, когда нет сил и возможности своим личным примером возвратить злоумышленника в пространство правил (и тем самым восстановить правила)? Может ли он надеяться на суд и правопорядок, если уже возникло состояние «отсутствия общих судей» и порядок не действует? Такова ситуация домохозяина: перед ним злоумышленник, он является очевидной и неминуемой угрозой его другу, которому он предоставил кров и убежище. Кант, как бы зажмурившись, говорит о долге перед человеком, перед человечеством, о долге человечности и, явно забыв о том, кому грозит смертельная опасность, настаивает на необходимости сотрудничества честного человека со злоумышленником и отрицает такую необходимость в отношении с тем, для которого поддержка и защита друга жизненно насущны.

Неверно думать, будто пока злоумышленник не претворил свои злые умыслы в практические действия, домохозяин сохраняет с ним правовые отношения. В отличие от семерых козлят, доверившихся нежному голоску и благообразному виду прикрывшегося козлиной шкурой волка, домохозяину, если он не наивный простачок, не надо гадать, кто перед ним. Кант прямо говорит, что друга преследует злоумышленник, иными словами, домохозяин знает и понимает, кто стучится к нему в дом и что значит их вопрос о друге. Высказываемые порой сомнения на этот счет: «Откуда человек знает, злоумышленник перед ним или нет», — следует признать по меньшей мере простодушными. Мы должны здесь только следовать сюжету, который обсуждает Кант, недвусмысленно указывающий: вот — друг, вот — злоумышленник. В жизни человек часто оказывается в ситуациях, когда у него возникают превратные впечатления о людях, с которыми его сводят обстоятельства. Человеку не остается ничего другого, как ориентироваться на свой жизненный опыт и на соответствующее понимание ситуации. Относиться к другим с уважением и, значит, потенциально, с доверием, но при этом соблюдать предосторожность. Ни о каком универсальном и обобщенном знании здесь говорить нельзя. Разумеется, в массе ситуаций мы принимаем решение интуитивно. В стереотипных ситуациях, по имеющемуся прецеденту, по своему и известному чужому опыту. Иногда случаются неординарные ситуации, когда нет времени на обдумывание, и мы принимаем решение на свой страх и риск, следуя своей интуиции. Это могут быть удачные решения, а могут быть неудачные. Моральные решения по своей природе рефлексивны, по крайней мере в том смысле, что человек должен отдавать себе отчет в том, что он делает, т.е. брать на себя ответственность за принимаемые решения и их последствия. Именно такого типа ситуация, обсуждаемая Кантом с подачи Константа: я сам должен принимать решение, я сам являюсь субъектом понимания того, какие у меня обязанности, и я сам являюсь судьей своего решения. При этом я могу ошибиться и за ошибку должен буду ответить.

Домохозяину не надо ждать свершения злых умыслов, чтобы решить, что правовые отношения более не имеют места. Обсуждая этот аспект проблемы и настаивая на сохранении правовых отношений между домохозяином и злоумышленником, Йон-Гук Ким полагает, что злоумышленник, если и отказался от каких-то своих обязательств, то это обязательства по отношению к преследуемому другу, а не по отношению к домохозяину. Поэтому его вопросы к домохозяину о местонахождении друга оправданны, и он является злоумышленником только для преследуемого друга⁸. — Выходит, домохозяин должен ждать, когда злоумышленник проявит в отношении него угрозу или прямое насилие, чтобы начать защищаться всеми возможными средствами, в том числе и с помощью обмана? При таком подходе по сути воспроизводится кантовское видение общества как общества атомарных, коммунитарно и коммуникативно индифферентных индивидов. Поэтому и получается, что домохозяин оказывается словно только что родившимся, и его практическое понимание жизни нулевое, его сознание — *tabula rasa* или, точнее, в состоянии полной амнезии; появившиеся перед ним злоумышленники — единственные для него живые существа, и лишь перед ними он может осознавать какие-либо обязанности.

Думаю, что в данной ситуации только об отношениях домохозяина с другом мы можем говорить о *договорных*, в естественно-правовом смысле, отношениях, т.е. отношениях обязанности. Причем это сложные, двойкие обязанности: не только обязанности дружбы, но и обязанности гостеприимства. Самим фактом предоставления убежища другу дается *обещание* защиты. И к этому аспекту ситуации нужно отнести все то, что Кант говорил по поводу заведомо ложных обещаний. Однако это и не принимается во внимание Кантом, для которого некая обязанность домохозяина по отношению к злоумышленнику фактически предстает приоритетной в сравнении с обязанностью по отношению к другу, к тому же соединенной с обязанностью гостеприимства, а также с обязанностью, принятой по факту предоставления другу убежища. Полагаю, у домохозяина в данной ситуации действительно нет никаких обязанностей перед злоумышленником и вместе с тем, наоборот, есть определенные обязанности перед другом.

Впрочем, я готов на попятный шаг и могу согласиться вслед за Кантом признать, что у домохозяина есть какие-то обязанности по отношению к злоумышленнику, при условии сохранения признания его обязанностей по отношению к другу. И тогда этический контекст данного сюжета меняется, и мы имеем *конфликт обязанностей*. В принципе это очень важный момент человеческих отношений, правовых и нравственных. Для разрешения конфликта обязанностей необходимо понимание их разнородности, не только по содержанию, но и по характеру импе-

⁸ См. Мясников А. Г. Современные социально-этические трактовки кантовского запрета лжи // Этическая мысль. Вып. 7. М.: ИФРАН, 2006. С. 152.

ративности: обязанности человека по отношению к близким сильнее обязанностей по отношению к посторонним и тем более чужим, к кому, разумеется, относится и злоумышленник. Незамечание этого конфликта, как и факта возможного конфликта обязанностей вообще, выражает непонимание нравственности и того, как она функционирует практически, что чревато по меньшей мере неполнотой анализа, а в конечном счете, как мы видим в случае с Кантом, и скрытой апологией аморализма — в виде признания допустимости предательства по отношению к гостю и другу ради личной честности перед злоумышленником⁹.

Этически-аналитическая недостаточность абсолютистских решений в подобных рассматриваниях хорошо проявляется при варьировании обсуждаемого сюжета, даже ограниченном. Сюжет может быть содержательно дифференцирован по разным характеристикам, касающимся беглеца и преследователей: 1. В доме может найти убежище (а) друг, как в нашем сюжете, но может и не друг, а (б) попросивший об укрытии посторонний или (в) ворвавшийся в поиске убежища незнакомец, или (г) просто недруг, к тому же захвативший в заложники домочадцев. 2. Беглеца могут преследовать (а) злоумышленники, а может и (б) полиция. 3. Относительно нравственного статуса лица, скрывающегося в доме домохозяйину может быть достоверно известно, что (а) он невиновен или что (б) виновен¹⁰. В случае (а) и (б) у домохозяйина есть обязанности по отношению к находящемуся в доме, т.е. по отношению к тому, кому он предоставил убежище. По отношению к ворвавшемуся в дом, да к тому же ворвавшемуся с применением насилия, у него нет никаких обязательств. У него нет обязательств по отношению к злоумышленнику, но у него есть правовая обязанность не препятствовать полиции. Тем более не препятствовать, если он знает, что человек, которому он предоставил убежище, виновен. Однако же он предоставил другому убежище, и тем самым взял на себя обязательство его оберегать. Ситуация тем более усугубляется в случае, когда полиция преследует человека, которому убежище предоставлено при обоснованной уверенности в его невиновности.

Очевидно, что при предлагаемом подходе не может быть универсального решения для той конфликтной ситуации, в которую попал домохозяйин. И, наоборот, установки абсолютистской этики здесь могут привлекать возможностью однозначных и определенных решений.

⁹ Характерно, что в «Метафизике нравов» проблема лжи разбирается не в контексте человеческих отношений, а в связи с «долгом человека перед самим собой, рассматриваемом как моральное существо» (*Кант И. Метафизика нравов // Указ. изд. С. 366–369*), при том что в «Лекциях по этике» Кант говорит о лжи и правдивости в связи с обязанностями именно по отношению к другим.

¹⁰ Не говорю о том, что злоумышленник мог не друга преследовать, а прийти в дом и потребовать от хозяина выдачи ближайшего родственника, подозреваемого в неблагоденности. Что же, надо не известно кому выдать на смерть сына и брата только ради справедливости перед человечеством?

С точки зрения Канта и его последователей, поведение домохозяина не должно зависеть от перечисленных и возможных других частных характеристик ситуации. Однако если все эти различия не имеют значения для принятия домохозяином решения относительно того, как себя вести с преследователями (а именно так получается при этико-абсолютистском подходе), то этике остается лишь отвлеченный анализ морально-философских категорий, и нет ничего в поведении человека и отношениях между людьми, что может быть предметом ее исследовательского интереса. Какой вообще смысл в этике, если ее рекомендации ситуативно индифферентны или, иными словами, если этика не практична? По-видимому, в случае названных выше конфликтов обязанностей нельзя дать универсальных решений. Это должны быть ситуационно и индивидуально релевантные решения. Можно сказать, что здесь должна вступить в силу *прикладная этика*, одним из предметов которой и является не «индивидуально-массовое поведение» (по выражению О. Г. Дробницкого), как обстоит дело в моральной философии, а индивидуально-ситуационное поведение. Другой вопрос, насколько этика в ее современном виде уже готова к такого рода анализу.

В кантовском рассуждении есть признаки, позволяющие предположить, что он обращал внимание на практическую сторону, — однако при твердом убеждении в том, что человек *не ведает* намерений и смысла действий других и не контролирует последствий своих поступков. Так, в пользу правдивого ответа на вопрос злоумышленника, т.е. в пользу выдачи друга он приводит следующий довод. Представим, говорит Кант, что домохозяин ради друга отвечает ложью на вопрос злоумышленника; а в это время, друг, поняв, что ему угрожает опасность, незаметно выходит из дома, убийца же (в кантовском тексте «злоумышленник» случайно трансформируется в «убийцу», что, несомненно, усиливает драматизм ситуации), встречает его на дороге и совершает преступление. По этому поводу Кант утверждает, что в этом случае, домохозяин будет по праву «привлечен к ответственности как виновник его смерти»¹¹. И наоборот, если домохозяин говорит правду, он никакой ответственности за последствия не несет, так как не он сам, а случай становится причиной вреда, на который оказывается обреченным его друг. Домохозяин не свободен в своем выборе, он понуждаем внешней силой к ответу перед злоумышленником, а говорить правду он смеет по закону.

К тому же — у Канта намечается потенциальное развитие ситуации — пока домохозяин отвечает чистосердечно злоумышленнику, исполняя долг правдивости, происходящим могут забеспокоиться соседи, сбежаться и схватить убийцу. «Если ты своею *ложью* помешал замышляющему убийство исполнить его намерение, то ты, последовательно развивая свою мысль Кант, несешь юридическую ответственность за все могущие произойти последствия. Но если ты остался в пределах стро-

¹¹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Указ. изд. С. 294.

гой истины, публичное правосудие ни к чему не может придаться, каковы бы ни были непредвиденные последствия твоего поступка»¹². Понятно, что из этого следует лишь один вывод: не делать ничего, а только следовать предписаниям, прячась за них от возможной ответственности. Таким образом, получается, что домохозяин при своей правдивости, предвидимые прямые и неминуемые последствия которой очевидны и которая предоставляет возможность действовать «случаю», — остается невиновным и не несет ответственности. И, наоборот, при маловероятном стечении обстоятельств, когда при дезориентации злоумышленника, непредвиденном бегстве друга в направлении, случайно совпадающем с тем, что было указано дезориентацией, и его обнаружении злоумышленником, — домохозяин оказывается ответственным за случившиеся из стечения обстоятельств последствия.

Но разве друг оказывается схваченным потому, что домохозяин сказал *неправду*, а не потому, что маршрут его бегства *лишь по злему стечению* обстоятельств пересекся с путем преследуемого его злоумышленника? Сам факт этого пересечения не только случаен, но и не является предметом ответственности домохозяина. Так что уверенность Канта в том, что в случае гибели друга при таких обстоятельствах (когда домохозяин солгал, а друга-то и схватили), домохозяин должен нести юридическую ответственность, не имеет оснований. И, наоборот, если я говорю правду, т.е. выдаю друга, и его схватывают, то это как раз происходит внутри пространства моей ответственности, и в таком случае я виновен в содействии злоумышленнику.

Кант, на мой взгляд, рассматривает ситуацию в каком-то абсурдном свете: говоря, что в случае, когда говоришь правду, и друга хватают, скорее всего, для того чтобы убить, ты не несешь никакой ответственности, а когда ты солгал, и друга поймали, ты несешь ответственность. Получается, что когда вследствие твоей правды друга убивают, это дело случая, и твоей вины здесь нет, а когда его хватают и убивают вследствие того, что он побежал дальше и случайно попался в руки преследователей (а вовсе не вследствие того, что ты сказал неправду: *после того, не значит, по причине того*), твоя вина есть. Логика такого нормативного рассуждения не ясна.

Кант не случайно в обсуждении данного случая не принимает во внимание друга. Для Канта не существуют *другие* как конкретные другие. В кантовской этике нет *Другого* в смысле фейербаховского *Ты*, отличного от *Я*. В этом смысле Кант ограничивает анализ морали анализом того, что происходит в голове единичного человека перед лицом Абсолюта, что, конечно, тоже очень важно в плане перфекционистского измерения морали. И соответственно он выстраивает анализ морального мышления. Поэтому он не может анализировать моральные *отношения*. Позиция Канта в этом плане типична для рационалистической

¹² Там же.

философии Нового времени. Ведь за незначительными исключениями моральная философия Нового времени не ведает *Другого*¹³. Кант не чувствителен к коммуникативным отношениям, к возникающим в них ожиданиям и обязательствам. И в данном случае, говоря о долге правдивости, Кант имеет в виду не специальный долг перед злоумышленником, а абстрактный долг перед законом; постулируя безусловную ответственность перед законом, он фактически не предполагает никакой ответственности перед конкретным человеком, не просто ближним, но к тому же и близким.

Конечно, человек далеко не всегда способен в полной мере отвечать за последствия своих поступков, тем более в нестандартных условиях чьего-либо (революционного или контрреволюционного, или тоталитарного, или криминального) произвола. Кант в этом прав. Однако отсюда не следует, что человек вообще не отвечает за свои поступки. Если же кто-либо попытается, ухватившись за эту мысль морального философа, снять с себя ответственность за себя и свои поступки, к нему легко можно предъявить суровые нравственные претензии — причем по Канту же (но как автору «Основоположений к метафизике нравов») — за отказ от сохранения и совершенствования себя в качестве нравственного субъекта. Отказом от ответственности, в особенности моральной ответственности, человек лишает себя членства в ноуменальном мире.

Вообще говоря, ложь как таковая, в принципе недопустима. В первую очередь, недопустима ложь при даче обещаний. Недопустима ложь, наносящая кому-либо ущерб. Недопустима корыстная ложь. Но есть ситуации, когда во имя морально оправданного блага (т.е. не из корысти) ложь оказывается допустимой. Она не становится от этого морально положительной; но она необходима для того, чтобы избежать *большого зла*¹⁴. Кант говорит о том, что любая ложь разрушительна для общества. Но не менее разрушительной для общества оказывается правда, утверждаемая ценой жизни, здоровья, благополучия других людей. Не может быть предпочтительной правдивость, если она оказывается условием *несправедливости*.

Таким образом, предлагаемым рассуждением я не только ставлю под вопрос обоснованность кантовского настояния на абсолютности требования «Не лги», но и, по большому счету, возможность абсолютных мо-

¹³ С понимания того, что кантовская этика — это этика «атомарного индивида», начались мои сомнения в этике Канта. А продолжились они благодаря пониманию действительного смысла кантовской аргументации в обсуждаемом эссе, по логике которой обоснование безусловной недопустимости лжи имеет в качестве оборотной своей стороны скрытое оправдание предательства. Запрет на один тип лжи дает отмашку для другого типа лжи.

¹⁴ Не следует сразу подозревать утверждающего это в эгоистическом релятивизме. Этот тезис высказывается с учетом того, что в морали если достаточно нормативных и ценностных средств для подавления корысти, эгоизма, своеволия и произвола.

ральных принципов вообще. Такие общие моральные принципы, как «Не лги», «Не причиняй насилия», а также «Не вреди», «Делай добро», не имеют прямого действия, и кантовский анализ данного конкретного примера хорошо это показывает. Они выполняют роль ценностных ориентиров, принципиальных установок в принятии человеком морально оправданных решений. Однако без их адаптации к конкретным человеческим ситуациям, в нравственном отношении поливекторным и разнокачественным, легко можно прийти к результатам, прямо противоположным тому, что эти общие принципы утверждают. Поэтому в любых нравственных системах провозглашение общих принципов сопровождается менее общими, частными по содержанию требованиями и правилами, обеспечивающими определенность и действенность общих принципов. И всегда предполагается, что они применяются в конкретных ситуациях на основе решений, принимаемых морально ответственными, критически и реалистически мыслящими индивидами, в частности, отдающими себе отчет в том, чем друг отличается от злоумышленника.